

Ему никогда не жилось спокойно и привольно, и все его деяния представляли собой отчаянные попытки проявить себя и показать свою силу.

— Дурной сын почитаемого отца. Повезло Арну Крестителю, что боги... бог дал ему двух сыновей и старшего наделил равно и разумом, и силой. Младший не в род пошёл. Весь в дурную мать, весь в мать...

А он, младший сын, дурной сын, всё слышал, пусть и молчал. Слышал, как епископ и воевода отца, ярл Агни, перемывают ему косточки за стеной, словно две болтливые кухарки. Омерзительные старики! Ладно его честь пытались запятнать, но обозвать матушку дурной женщиной...

И как только посмели?!

Теперь же пришлось сидеть, точно на цепи, запертым в своих же покоях, и слушать всё это против своей воли. Всё против своей воли, а что по его воле было

сделано, то всё оказалось против рода и против конунга Крестителя. Против отца...

Судачили о его поступке, как о проступке, забыв, что сам конунг хотел подмять под себя растущий неподалёку от их столицы островной город свеев. Многие себе позволяли пришлые купцы, поселившись на их территории. Недовольство Крестителя росло день ото дня, и вряд ли бы он разрешил эту ситуацию мирно.

Не было тут другого пути — только сила.

А ведь брат, Лейв, холодная голова, он ведь просил остаться, знал, что отцу будет неудобно его желание запугать свеев, позарившихся на чужие земли. Но как Арн Креститель терпел всё это?

Он облизал широкую рану на губе, снова её раздражая. Она заросла, но всё ещё бугрилась, мешая и побаливая. Наёмные стражи острова, хоть и не сразу сообразили, с чем пришёл на ладьях сын конунга, всё же решились дать запоздалый отпор. Хольдов в городе было мало — почти все ушли под парусами на войну вслед за конунгом Анундом. Ольгир взял город почти без боя.

— И как ты привёл сына Крестителя обратно, никого не убивши? — раздался взволнованный голос епископа.

— Когда мы подплыли к острову, нас долго держали за частоколом, не давая высадиться. Но, видимо, в ком-то из его хольдов проснулась совесть при виде знакомого паруса, нас наконец впустили. А Ольгир, беспечный плут, праздновал смехотворную победу в тамошнем Большом доме, запугав местных жителей. Да только передо мной и сынами моими вся охрана его расступалась, сражённая, пропустила вперёд. Так что мне осталось лишь изловить его, как зверя, и связанным по рукам привести к отцу. Надо было ему ещё рот заткнуть, чтобы не скалился он на меня, думая, что отец всё ему простит да поблагодарит.

Знатный пленник помассировал запястья, которые всё ещё саднило из-за тугой верёвки.

— Не знал я, что он не от имени Крестителя деяния творит. — Говорящий сотворил божий знак при упоминании конунга, при жизни признанного святым. — Ведь и сам Креститель собирался взять город свеев. Они слишком близко подошли к Онаскану и заняли земли, что принадлежат нам по праву.

То-то же! И в чём тогда провинность?

— Не так скоро и не так жёстко, — воевода приумолк ненадолго. — В городе был важный человек конунга Анунда. Люди Ольгира убили его. Что же теперь Анунд потребует от нас за смерть родича?.. Ох, не в то время захворал наш конунг. Ох, не в то. У него были свои планы на остров, но он не успел их осуществить. Теперь же я надеюсь, что выходка выродка не сильно нарушила их.

— Дай бог здоровья Крестителю нашему, — залепетал почтенно епископ, — долгих лет жизни.

— Уж я-то сам не знаю, удастся ли задобрить теперь Анунда. Сколько ж серебра или людей он потребует за своего родича и каждого убитого хольда? Рука у Анунда крепкая, так что, боюсь, не видать нам полюбовного разрешения этой ссоры. — Воевода шумно вздохнул. — Этот щенок много крови пролил. Нет в том ни капли разума. Ни капли разума его отца, который всегда с таким трепетом относился к миру со свеями! Дикий он, поганый, как его мать.

— Благо что не ему быть нашим конунгом.

— Благо что не ему... Лейв будет хорошим продолжателем дела своего отца. Не отвернётся он ни от новообретённого бога, ни от поддержания мира с Анундом и прочими крещёными конунгами. А Ольгир... Он всегда был лишь тенью могучего и мудрого брата. Пылью под ногами отца своего Арна Крестителя. И уж точно мусором под ногами деда. Он не из тех людей, что строят города и богатеют. Выродок и грязное пятно на имени семьи, живущий как блоха.

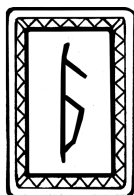
Пленник снова облизал запёкшиеся губы, страшно улыбнулся на эти слова.

— А что же теперь Ольгира ждёт за самоуправство? — поинтересовался епископ.

— Тут уж воля конунга будет, не моя. Я всё сделал, что в моих силах. Разве что при хольдах Креститель меч отнять попросит... вместе с поясом. Так это тоже не совсем моя забота. А дальше что с ним будет без меча и пояса, не знаю. Наверное, ссылка...

Младший сын конунга усмехнулся, скорчив болезненную гримасу. Побелевшие веснушчатые щёки налились румянцем. Думает старик, как накажут его, сына Крестителя... Да как бы сам скоро не попал в немилость! У него союзников и наёмников не меньше — силы отомстить найдутся.

Он зарычал, а как услышал скрип лестницы, ведущей к его покоям, сник и вид принял смиренный, будто крестить его пришли по его же доброй воле, а не вести к отцу на суд...

ыстроногий конь нёс своего всадника всё дальше и дальше от крепких стен города. Лёгкий перезвон колокольчиков на сбруе разливался ясным холодным звуком.

Плащ, чуть волнуемый ветром, покойно опустился на сильные плечи огромным алым крылом. Всадник надвинул соскочивший худ на лицо, перекинул поводья и слез с коня. Здесь начинался лес с заросшими тропами. Никто не ходил сюда, не собирал хвороста и не рубил деревьев. Говорили, что раньше тут жили колдуны, а кто поселился иль остался — теперь знали лишь самые отчаянные из охотников. Поговаривали, что водились тут даже волки-оборотни, каких давным-давно нигде больше и не видывали.

Одно из древ изогнулось тоскливо, как плачущая женщина. Оно было похоже на ворота, но за ними не

было ни дороги, ни приюта. Ольгир окликнул отставшего брата, и с холма спустился Лейв на гнедом крупном жеребце, поспевая следом. Ольгир отдал ему поводья, прошёл сквозь эти ворота, и душа его сжалась в кулак. Но потом распрямилась ладонью, хлёсткой тетивой. Гордая душа — всегда тетива.

— Не жди меня, — крикнул Ольгир брату, обернувшись. — Возвращайся в город.

— Ольгир! Да стой же ты. Не поздно ведь извиниться. Ох, видит бог, устал я повторять это тебе снова и снова. Извинись перед нашим отцом. Он только этого и ждёт, — отозвался Лейв. — Брат, послушай...

Кони стригли ушами, прислушиваясь к набухающему сумраку хвойного леса. Всюду им мерещились дикие звери. Тени вездесущих крыс, мелькавшие на стволах деревьев в свете низкого солнца, становились похожими на тени волков.

— ...Послушай! Если ты правда считаешь, что, раздобыв шкуру Белой Гривы, получишь прощение отца, то ошибаешься как никогда. Извинись по-простому. Даже если не искренне, он примет тебя назад. Ты же сын ему. Родной сын. Никакие купцы меж вами не встанут!

Ольгир зарычал, припомнив, как конунг на глазах воеводы и приближённых отнял у него меч, назвав несмышлёным мальчишкой.

— Я найду этого коня, — произнёс Ольгир, и голос его звучал уверенно. — И пусть обо мне потом рассказывают в сагах как о человеке, что не просто одним глазком увидел, но убил Гриву. Снял с него шкуру! Никому этот чудесный конь не дался, а мне... Найду. Найду и принесу. Пусть старик думает, что я не справлюсь. Но я же всегда подводил его ожидания. Не так ли?

— Белая Грива, видишь ли! — Лейв грустно усмехнулся. — Проще уж было сказать: найди духа водопада да забери его свирель. Где же ты её искать-то собрался, а? Спросишь у троллей? Или хульдр? А может, у колдунов суми? Брось ты, брат, эту затею!

Ольгир упрямо молчал. Старший брат всё с той же невесёлой улыбкой подъехал ближе, отводя рукой низко склонившиеся ветви ёлок. Нерадивый сын усмехнулся в ответ.

— Возвращайся к жене и отцу, Лейв.

Лейву не понравилась его усмешка. Он пустил коня, остерегавшегося елей, столь низко склонивших хвою, вперёд, преградил Ольгиру путь — тропу, которую когда-то проложили бежавшие от огня Крестителя лесные колдуны. Всюду чудились отголоски их чар. Тем лучше. Белая Грива давным-давно ушёл за ними, но в последнее время, по слухам, его видели близ Оноскана всё чаще и чаще. Вот уж добрался и до леса, что стоял неподалёку от города серо-зелёной стеной. Иным коням по этой тропе не пройти, только упрямому человеку да дичи.

— Брат, я не пропаду, не бойся ты. Я принесу старику Гриву. Он простит меня и, я думаю, отдаст меч. — Ольгир сложил руки на груди.

— А ну, вернись домой!

— Нет.

— Какой же ты всё-таки упрямый дурак. Да ещё такого плохого мнения о нашем отце. — Лейв сокрушённо качнул головой. — Ну подумай сам. Он ляпнул про чудесную Белую Гриву, лишь чтобы тебя позлить да послать куда подальше. Не нужна ему никакая чёртова лошадь, ни грива её, ни копыта, ни... рога! Не найдёшь ты её и всё равно вернёшься.

— Я знаю, где искать, — слукавил младший брат. — А возвращаться без Гривы я не собираюсь. А коли не вернусь, то ты не переживай. У отца есть ты — силёнка и умишко. А я так. Только смуту посеять могу, а потому... бывай!

Ольгир обошёл гнедого скакуна, красуясь, перепрыгнул через поваленное дерево и скрылся в золотистом полумраке. Изогнутое дерево потянулось тонкими руками ветвей к Ольгиру, зацепило пальцами за алый плащ, но сын конунга лишь одёрнул полы, обломав сухие ветви.

— Ольгир! — в последний раз окликнул Лейв брата, а потом плюнул и сквозь зубы процедил: — Вот дурной!

Он взъехал на холм и только тогда обернулся на лес. В золоте солнца тот казался обычной чащобой, но по телу Лейва пробежала нехорошая дрожь. «Вот ведь опечалился. Да чёрт с ним, прости Господи! Такой действительно не пропадёт!» — подумал он, крутя рыжеватый ус, и пустил коней в сторону города.

— Какой же ты дурень, братец мой, — продолжал бушевать Лейв, крепче обычного сжимая ногами бока лошади. — Что за троль подкинул тебя? Что за дурная кровь течёт в твоих жилах? Почему же ты никого не слушаешь?!

Лейв мчал вперёд, предаваясь яростным и обидным мыслям, а на горизонте уже виднелся город, да шумело близкое море.

Десять дней Ольгир бродил по далёким одалям, которые начинались за сплошным еловым лесом. Нутро больше не горело гневным огнём, но сморённое было своеволие снова крепло и росло в сердце. Разодранная губа давно уж зажила, так что Ольгир снова мог ухмыляться привычным широким оскалом.

Не так был страшен лес, как шептали о нём люди и говорили слухи да легенды. Водилась обильно дичь, пели обыкновенно птицы, и лишь руины древних каменных и деревянных капищ бессмысленно и безголосо славили прежних богов. Время ещё не изгладило рисунков морщин на грозных круглоглазых лицах, но Ольгир без страха, лишь с интересом рассматривал их. Касался, закрывал глаза и, не опуская ладони, слушал себя, выискивая отзвуки ответа. Но внутри всё молчало, и Ольгир хохотал, сощутив глаза. Об этих ли богах мать рассказывала сказки, прядя тонкую нить? О них ли думала, когда отец учил её молитвам?

Теперь уж они в прошлом. Как и мать. Давно ушла она из жизни, оставив после себя на земле лишь неудобного отца сына.

Встречал Ольгир на своём пути и громадные камни, что по ночам будто бы неспешно шагали куда-то в сторону северо-восхода. Бывало, засыпал он ногами в задуманную сторону, брал за ориентир косматые скалы, а наутро обнаруживал, что за ночь большие камни сместились. Не сильно, не более чем на локоть. Однако полагаться на замшелые скалы Ольгир прекратил — не иначе, то были тролли.

Уже несколько лет Ольгир слышал от охотников, что тролли уходят дальше от Онаскана, и те, что были порезвее, уже давненько покинули здешние одали, оставив после себя лишь взрытые полосы на земле. А сонные замшелые старики уходили неспешно, так что их запросто было спугать с обыкновенными скалами. Тем не менее троллей Ольгир считал хорошим знаком. Раз уж тут водились они, то и Белая Грива, видимо, был где-то неподалёку. И не такие чудеса встречались в лесу, где прежде жили колдуны.

Белая Грива — то конь, что белее снега. Говорили, что у него серебряные рога, как у оленя или лося, а грива ровно что жемчуг да перламутр. Складывали о ней в землях Онаскана много легенд и небылиц, да только в одном сходились любые саги — появилась эта лошадь на свет из серебряной руды, на которую попало молоко священной коровы. Где он обитает на самом деле и как часто выходит к людям — этого уж точно никто не знал.

Отняв у Ольгира меч, Арн Креститель серьёзно иль в насмешку над собственным сыном велел тому отыскать Белую Гриву, снять с него шкуру да смастерить из рогов его венец. Воевода улыбнулся в бороду, когда услышал просьбу Крестителя, и верные хольды его посмеялись над опозоренным сыном конунга. Знали они, что невозможно отыскать неуловимого Гриву, — никто из них даже не видел его, лишь слышал рассказы от охотников да рыбаков. Понимали они, что если не найдёт Ольгир Белую Гриву, то не захочет вернуться.

Но Ольгир хотел вернуться. Потому он тут же бросился в леса, где, по слухам, видели чудесную лошадь в последний раз.

В здешних непроходимых чащобах Ольгир находил свежие следы конских копыт. Он шёл по ним день за днём, пока не оказался у мелкой быстротечной речушки. Узнав в ней приток реки Полотняной, что впадала в море близ Онаскана, Ольгир понял, что ушёл далеко на восход, обогнув широкой петлёй лес с южной стороны.

За игривым, смеющимся, как юные девицы, потоком начинался светлый лес с редющим меж стволами молодых осин светом. Здесь отпечатки на влажной земле обрывались у кромки воды, в осоке, и Ольгир, приметив далеко в стороне брод, отправился на другой берег. Он опасливо ступал на скользкие камни, смотрел поверх воды и, как только нога его опустилась на траву правого берега, из реки высунулась тонкая рука, схватила его за щиколотку, и Ольгир с шумом упал в воду. Воды расхохотались, и смех их раздался звоном среди камней и деревьев.

Ольгир выругался, вышел на берег. От усталости ли ему уже мерещились духи воды или правда были они здесь?..

Молодое солнце, скрываемое облаками, показывалось несколькими лучами, и те, падая в воду, превращали поток в искрящийся металл. Долго Ольгир высматривал подлых существ, но так ничего и не увидел, только слёзы на глазах выступили от нестерпимого блеска брызг над водой.

Следы копыт, до краёв наполненные чистой водичей, уходили прочь по течению реки, и Ольгир направился по ним. Несколько дней он шёл, как очарованный, за необыкновенным конём, который, казалось, совсем недавно бродил вдоль берега реки. Пил Ольгир воду из этих следов, добывал себе пищу у берега.

И вот следы оборвались вновь. На этот раз — в самом широком месте реки. Противоположный берег стоял далеко, ощетинившись высокими тощими ёлками.

— По воде ли ходишь ты, дух? — нахмурился Ольгир. Он перевёл взгляд на далёкий берег и готов был поклясться, что среди серых ветвей прошёл белый неслышимый призрак.

Река утекала дальше и дальше, становясь всё шире и полноводнее, а на самом глубоком месте её стояла переправа. Кругом не было ни души, но две добрые лодки всегда лежали у воды, дожидаясь редких путников.

Девушка, что жила здесь, и не ожидала появления никого чужого. Она сбросила на землю платок, покрывавший её плечи, и осталась в одном лишь сером платье, которое завязала узлом выше колен и заправила за пояс, сотканый с вплетением синих ниток.

Летнее солнце, ещё не решившее, садиться ли за горизонт или остаться, бросало на воду ослепляющие блики. Неспешно и лениво скатывалось оно вниз с зенита. Мелкая дрожащая волна около берега волнующе блестела и жарко искрилась. Казалось, раскалена она добела. Девушка удобнее перехватила копьё и медленно вошла в реку, загребая пальцами ног песок. Обманчив был тёплый блеск. Пусть и отражалось на поверхности реки солнце, да не нагревало оно воду.

Девушка зашла глубже. Мелкие рыбёшки, не больше пальца длиной, разбежались скорей, а потом сомкнулись за её спиной плотной серебряно блестящей стайей. По телу побежали мурашки, девушка дёрнула плечами, но продолжала заходить всё дальше и глубже. Имелась тут, прямо возле переправы, небольшая заводь, и частенько возле неё можно было поймать крупных рыбин, больше чем с ладонь, а то и в локоть величиной.

Перейдя неглубокое место вдоль берега, почти не намочив платья, дева почувствовала, что река начинает мелеть. Ступала она осторожно, хоть и помнила каждый изгиб заводи, каждую выемку и ловушки вязкого ила. Один неверный шаг — и ухнешь с головой. Наконец, добравшись до богатого рыбой места, девушка взялась

за копьё, чуть наклонилась над водой и замерла, точно тонкое деревце в полуденный штиль. Ил, песок и мелкая галька оседали покойно, следуя за неспешным течением.

Солнце закатилось в облака, и воздух раздался холодком. Вода вдруг потеряла весь свой живой блеск, стала прозрачным лоскутом, растянутым над дном. Дева часто заморгала, сбивая пляшущие огонёчки слепоты перед глазами, пока не заметила, как лениво шевельнулось дно около её отставленной вперёд ноги. Вытянутое тело с жирной спинкой и острым плавником отделилось от ила, очертив свой облик.

«Чуть не проморгала, — пронеслась мгновенная мысль в голове девушки. — Слепая ты, Ингрид!»

Она занесла копьё и резким движением вонзила остриё в цель. Рыба испуганно ринулась прочь, напоследок полоснув по ноге Ингрид плавниками и мощным хвостом. Та фыркнула и снова замерла, ожидая, когда успокоится дно и появятся другие рыбины. На поверхность воды вновь упали солнечные лучи. Ингрид сощурилась, но свет лишь растекался и множился, мешая разглядывать дно. Но тут и солнце-помощник — в золоте, расплавившемся и текучем средь синевы и звенящей серости, высветило мелькнувшее серебро. Не теряя ни мгновения, Ингрид тут же пронзила его копьём. Вода окрасилась красным, и Ингрид достала рыбину, пробитую насквозь. Не жалея сил, рыба лупила хвостом, мотала головой, пытаясь сорваться, но Ингрид, схватив её твёрдо, стащила с древка, опустила в корзину, привязанную к поясу, и тут же накрыла крышкой.

Вторую рыбу пришлось подождать дольше, зато за ней тут же пришли третья и четвёртая. Дальше копьё било впустую, но Ингрид не расстраивалась, зная, что сегодня её маленькая семья — она да отец — уснёт не с пустыми животами. Корзина наполнялась медленно, но верно, и, когда солнце приблизилось к горизонту, крышка уже едва закрывалась. Последнюю рыбу Ингрид, истерзав остриём, бросила обратно в воду — в благодарность реке.

Она вышла на берег, торопясь, выпотрошила улов, всё следя за солнцем — хоть бы не скатилось за лес, пусть ещё погрееет замёрзшие ноги и руки. А оно и не спешило, точно зная, что его заждались в этом холодном краю. Надо же, чтобы ягоды забродили, чтобы детёныши зверья всякого окрепли, радуясь его лучам, чтобы прогрели на свету свои старые одеяла люди.

Управившись споро с работой, Ингрид снова отправилась к реке. Постояла на берегу, чувствуя, как целует её ступни мелкая волна, сняла платье и неспешно голышом зашла на глубину. Всё тело её затрепетало от холода и счастья, дрогнули сомкнутые и слипшиеся от молчания губы.

Не было раньше у этой реки имени, но путники, которые выходили к ней, прозвали её Тёплой, так как зимой река чудесным образом не замерзала. Лишь в самые жестокие зимы покрывался хрупким ледком её быстрый поток. Жили на её берегах, как и везде прежде, колдуны суми. Мало кто из них в действительности знал чары, но гёты, пришедшие сюда на ладьях и основавшие вдоль берега моря и рек свои поселения, не разбирались в укладе старожилов. Всех без разбору называли колдунами да страшились, а со страху убивали и гнали прочь.

Не было никогда раньше у реки имени, но всегда была у неё душа. Живая, человеческая. Ушли колдуны суми вглубь лесов, подальше от морей, откуда приходили чужаки. Ушли, но порядки свои оставили.

Недолго пустовали берега лесной реки. Частенько к ней выходили путники, идущие к Онаскану. А так как зимой пройти по реке было нельзя, переселенец Йорген решил построить переправу в самом глубоком месте реки. Края тут всегда были дивные. Лес являлся домом для неисчислимых диких стад и птичьих стай. Он дарил дерево для постройки жилья и лодок, орехи в пищу и ягоды, сок которых, если перезреют, становился сладким и пьянящим.

Йорген поставил на берегу дом и обнёс его частоколом. Принялся переправлять с одного берега на другой заплутавших путников да жителей близлежащего поселения, которые шли в Онаскан. Когда, уже стариком, Йорген умер, его сыновья Хаук и Льёт, вернувшись из походов да принеся с собой знатную добычу, продолжили дело своего отца.

Тем и кормилась семья, жившая тут несколько десятилетий: охотилась, собирала орехи и ягоды, рыбачила да на лодках переправляла скитальцев. Оттого и стоят по сей день на берегу у серой песчаной полосы старый дом и высокий частокол, защищающий от волков и кабанов, а у воды сложены две лодочки-долблёнки.

Только семья, прежде большая, теперь состояла из двух человек — отца-старика и его дочери Ингрид. Отец ходил на охоту, рыбачил, и сухое, худое, но сильное тело его само было как тетива или леса. Дочь же его была высока и крепка. Плечи, как у иного мужа, — широкие и сильные, лицо твёрдое, спокойное. Только шрам на губе превращал её улыбку в недовольную гримасу. А улыбалась она редко — бывало, запрыгнет в лодку рыба, Ингрид и засмеётся, мол, глупая ты, воду с деревом путаешь. Или пройдёт по берегу белый жеребец с рогами оленя — проводит его Ингрид долгим восхищённым взглядом. Конь остановится у воды, напьётся, посмотрит на неё и уйдёт обратно в лес. А Ингрид уж гребёт изо всех сил к берегу, нажимая на вёсла сильными мозолистыми ладонями. Пристанет к берегу — и бежит за чудесным зверем. Окликнет его, позовёт. Остановится лишь на полянке с красными ягодами, чтобы отдышаться, а белого коня с оленьими рогами нигде уж и не разглядеть.

Тогда только и улыбалась Ингрид.

Всю жизнь свою она прожила около Тёплой. Не знала никогда ни высоких стен Онаскана, ни чужих поселений, а потому быстрая река казалась ей самым прекрасным местом на свете. Никого, кроме отца и редких путников, не видела она и оттого не могла разглядеть

красоту и доброту в человеческих лицах. Зато рыбью блестящую шкурку считала прекрасной, и Ингрид, рассматривая свою покрытую чёрными волосками кожу, находила её уродливой. Путники не говорили с ней — лишь договаривались о плате за переправу, а Ингрид и тому рада была.

День ото дня Ингрид приходила к реке — лишь в воде чувствовала она свою силу: безмолвную, тугую, гибкую, но непокорную. От этого, может, и глаза её были серые, как сталь водной глади, а волосы тёмные, струящиеся, словно подводные течения, до которых не достаёт солнечный луч. Не раз говорил ей отец, что красивой она станет женой и матерью, но только Ингрид его и слушать не желала.

— Себе я верна. Себе и воде, — был ответ её.

Старик Хаук не перечил ей, лишь согласно кивал. А тем временем минуло Ингрид прошлой зимой девятнадцать лет — отец заботливо считал каждый год.

Ушли колдуны в непроходимые чащобы, а порядки свои оставили, и Ингрид, сама того не зная, продолжила их традиции. Манила её река, будоражила, пьянила. Выросла Ингрид вместе с Тёплой, и тайна родилась меж ними: обвенчалась она с рекой, как прежде венчались колдуньи из племён суми с водой. Стала для Ингрид река и женой, и мужем.

Ингрид нырнула, достала рукой до ключей, что расталкивали своей силой ил и мелкие камешки. Вода на дне была мутна от их непрерывного движения, но стоило оттолкнуться ногами, помочь себе единой взмахом рук, откроешь глаза, взглянешь вокруг и увидишь всё точно в воздухе — так чиста была вода. Над головой проплывали пучки водорослей, похожие на копны женских волос. На миг они заслоняли солнце, а потом уходили прочь вместе с течением, дабы зацепиться за берег и прирасти на мелководье. Ингрид вынырнула, чтобы глотнуть воздуху, а потом снова опустилась на дно.

Зелень и синева правили здесь, когда солнце в редкие дни светило в полную силу, покрывая поверхность реки бликами, похожими на чешую. И вот, устав от ныряний, Ингрид поднялась, глотнула воздуха и замерла на поверхности, раскинув руки. Ледяная вода и тёплый воздух спорили рядом с её телом.

Так, плавая на спине и неспешно шевеля ногами, она думала о многом. О лесе, о белом коне с оленьими рогами, что так часто являлся в этих краях, размышляла о себе и воде, об отце, припоминая его рассказы о южных жарких землях, где белеет не снег, а песок. Хаук мешал свои истории с легендами о богах, так что Ингрид, путаясь, останавливала его. Иногда в рассказах появлялась её покойная мать, и тогда Ингрид, затаив дыхание и приоткрыв рот, слушала отца, пусть и знала эти истории почти наизусть — с рождения приросли они к её сердцу. Правда, и старик был не так-то прост, часто добавлял новое: что-то стиралось из памяти, что могла напомнить дочь, а что-то придумывалось на ходу, с лукавинкой. Но мать Ингрид и старшие братья навсегда оставались сухими рассказами, точно не хотел отец перевернуть их жизнь, боясь испортить даже мелкой незначительной присказкой. Правдивая сага срывалась с его языка.

А ещё отец рассказывал о море. И так поражало оно Ингрид величием своим, что долго не могла уложить она эту бескрайнюю и безбрежную мощь в голову своей.

— Это как широкая река? — спрашивала она тогда.

— Нет, — отвечал Хаук с улыбкой. — Больше.

— Это как пять широких рек... нет. Десять?!

— Нет. Больше. Ещё больше. Ещё злее и темнее.

— И волны, наверное, высоки...

— До самих парусов бывает. Немало людей погубили. Держишься за весло, а случалось, повернёшься, а друга твоего уже и нет — держался слабо. Наверное, потому вода солёная и тёмная, что кровью нашей и потом напиталась. Засолилась.

— Солёная? — переспрашивала она удивлённо.

— Да. Как кровь, только рыбой отдаёт.

И Ингрид всё думала, как может быть солёной вода.

А потом снова спрашивала:

— А у моря есть свой бог?

— Есть, конечно. Бог могуч, силен, как само море.

Поговаривают, будто пена морская — это борода его белая и седая. А волны поднимаются, так это оттого, что он гневается, мол, в бороде его щепки запутались — надобно стряхнуть.

Ингрид смеялась. Хоть отец и смотрел печально, он улыбался.

— А у реки свой бог тоже есть?

Отец тогда чесал бороду, задумавшись, и отвечал:

— Не думаю, не слыхивал я о таком. Были, конечно, в воде речной духи, злые и добрые, но про богов вот не слыхивал.

— Тогда я буду её богом, — с удовольствием, но тихо, чтоб не услышал отец, шептала Ингрид.

Она ухмыльнулась дрожащими губами. Пора бы выходить из воды. Она медленно поплыла к берегу, нарочно не нашаривая дно, пока животом не коснулась песка. Ингрид вышла на берег, чувствуя, что окончательно замёрзла, подставила спину солнцу, расплела длинные тёмные косы. Когда тело обсохло под ласковыми лучами, она торопливо оделась.

Провожать день Ингрид поднялась на холм — любила она с него смотреть на зелёную шапку леса и пролысину двора, обнесённого старым частоколом. Расчесав ещё влажные волосы гребешком, она заплела их в одну рыхлую косу, которую перевязала любимой голубой лентой. С собою Ингрид прихватила дудочку. Облизав засохшие губы, она тихо дунула в неё и, поймав нужный звук, продолжила песню. Отец всё не возвращался — наверное, решил заночевать в лесу, поэтому песня была тонка и грустна, но таила в грусти своей тихое счастье от прожитого дня. За днём, почти минувшим, слагались в прошлое былые дни и воспоминания.

Погода стояла тихая и покойная. Не чувствовалось ветра ни с моря, ни со стороны далёких гор. Вода была как полотно — ничто не нарушало её невидимого движения. И в этой хрустальной тишине ясно и грустно звучала дудочка. Она замолкла только тогда, когда из лесу на берег вышел незнакомец — молодой мужчина. Ингрид отняла дудочку от губ и с тревогой пригляделась к нему.

Он был одет невзрачно, но добротно. На рубашке не виднелось ни дырочки, ни заплатки, а за спиной на кожаном ремешке вместе со скудными пожитками висел алый плащ. В руках незнакомец держал лук. Мелькнул в просвете древ закатный луч, и волосы незнакомца окрасились золотом, да таким, что позавидовала бы сама жена Асабрага.

Мужчина заметил Ингрид, сидящую на яру, и обратил к ней свой взор. Она затаила дыхание — так прекрасен он был. Кажется, за всю свою жизнь не видывала она человека здоровее и краше. Мужчина махнул ей рукой, подзывая к себе.

Ингрид сошла с холма ему навстречу, заткнув дудочку за пояс. Вблизи незнакомец оказался ещё пригожей. Был он невысок, но хорошо сложен. Кожа его сияла, как ясное солнце, на скулах и носу пестрела россыпь веснушек. Золотистые волосы лежали на плечах тугими кудрями, а под рыжими усами в бороде играла ухмылка. Лишь голубые глаза отливали зимним колючим холодом. Ингрид смело заглянула в эти глаза, без тени стыда или страха, точно в лицо своему отражению на воде. Незнакомцу понравилась её гордость, усмешка на его губах превратилась в улыбку. Он прищурился, присматриваясь к ней с любопытством.

— Тут ли переправа через Тёплую? — не приветствуя спросил он.

Ингрид молча кивнула.

— А до брода далеко ли?

— Нет, — ответила Ингрид. — Но там придётся пробираться через камыш почти по пояс в воде. Можно дойти до порогов, где водят скот, но вот туда уже далеко идти.

Незнакомец покачал головой. Знал он, в какой стороне пороги, но идти туда не было никакого желания. Не дожидаясь ответа, Ингрид пошла к лодке, столкнула её в воду, придерживая за верёвку, и одним лишь взглядом пригласила незнакомца сесть.

— Скорая ты, — усмехнулся мужчина. — А как же плата? Возьмёшь?

— Возьму, — твёрдо ответила Ингрид. — Отец просил брать ломаное серебро или что-нибудь съестное.

Мужчина полез в сумку, доставая кошель. Выудил ломаную серебряную пластинку и тут же добавил к ней три целые серебряные монеты, на каких красовались кресты и лица.

— Что же, это слишком много. Я не возьму лишнего.

Незнакомец бросил на Ингрид насмешливый взгляд.

— Больно ты честная. Вот только и я честный, а потому плачу за твою работу целым серебром. Возьми. — Он протянул ей монеты. — Кто, кроме меня, даст тебе столько? купишь себе ещё лент в волосы. Будешь не только честная, но и красивая.

Ингрид почувяла неладное — слишком уж добр был к ней чужак. Не встречала она прежде подобного отношения ни от кого, кроме как от отца. Ингрид строго посмотрела на протянутую к ней ладонь с монетами и несогласно качнула головой, прикусив тонкие губы.

— Я не возьму лишнего, — повторила она.

Улыбка на лице мужчины стала ещё шире. Его явно забавляло то, как всё складывается. Что-то он придумал, и это читалось в его взгляде. Лицо Ингрид оставалось непроницаемым.

— Как тебя зовут? — зачем-то спросил мужчина.